

Алгебра Слова

ΣΕΜΕ

Алгебра Слова

Сеть

«Accent Graphics communications»

2016

Алгебра Слова

Сеть / Алгебра Слова — «Accent Graphics communications», 2016

Легко ли быть личным помощником миллиардера, у которого в жизни нет ограничений? Но это точно – не скучно. Молодой парень Сергей выполняет очередное задание Соломона: отправиться в горы Тибета и собрать энергетическую установку в заранее определенном месте. Вокруг – комфортная погода, изумительная природа, нетронутая человеком, заброшенный каменный дом... А также: пожилой академик Коростылев, трое странных неразговаривающих мужчин и чужая любовь – которым на задание Сергея абсолютно наплевать...

© Алгебра Слова, 2016

© Accent Graphics
communications, 2016

Содержание

Пролог	5
Глава 1	13
Глава 2	28
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Сеть

Пролог

«Ты меня слышишь?»...

Катя находилась на уроке музыки. Седовласый пожилой мужчина играл на единственном в классе инструменте – старом пианино. После отзвучавшей очередной классической мелодии учитель, спустив очки на нос, обратился к ученикам: «Что вы услышали? Что вы почувствовали?» Его неприязненный взгляд остановился на девочке с двумя аккуратными косичками и непослушной прямой челкой. Девочка откровенно скучала на уроках, но, казалось, терпеливо и обреченно сносила сорок пять минут ненужного для нее занятия. Вот эта обреченность и сердила учителя больше всего, потому что он чувствовал себя королем пыток, издевающимся над детьми.

Услышав свое имя, Катя, вздрогнув, отвернулась от окна.

«Дождь, – приподнялась она из-за парты. Заметив, что ее ответ учителя не устроил, она неуверенно добавила: – И гром?».

«Неужели ты не слышишь, как приходит весна, и мир торжественно отряхивается после долгой зимы? Как кричат птицы? Как завывает ветер? Как бурлит река? Как стучит сердце?»

«Нет, – Катя села без разрешения. – Дождь. Я слышу дождь».

«Урок музыки у вас два раза в неделю. Четвертый год! Я переиграл вам всю классику, и ты, кроме дождя, ни разу ничего не почувствовала?»

«Нет, – Катя виновато водила пальцем по обложке ненавистой толстой тетради с одним словом из шести жирных и красивых букв: «Музыка». Урок за уроком Катя, обводя буквы шариковой ручкой, меняла их очертания. В итоге они отпечатались на многих страницах, вдавившись в бумагу. Но надпись стала самой красивой в классе.

Подняв глаза на учителя, Катя сказала совсем несчастным тоном:

«Я и дождя не слышу, но звуки пианино на него хоть немного похожи».

«Посмотри! Тридцать человек вокруг тебя чувствуют музыку! Даже самые нерадивые!» – негодовал учитель.

«Двадцать девять», – поправила его Катя. Погрешностей в числах она не терпела. Потому что именно от них зависело, насколько верным получится ответ в заданиях по математике, в которой Катя, в отличие от музыки, плавала, как рыба в воде. «Решений нет», – также являлось для нее не совсем приятным итогом некоторых заданий по математике. Катя с неудовольствием выводила в ответе эти два слова. И художественные книги, финал которых намекал порой на: «решений нет», чрезвычайно напрягали и злили девочку с двумя косичками. Это смахивало на обман, открывающийся только в конце пути.

«Не важно!» – окончательно рассердился учитель и достал носовой платок, чтобы протереть очки.

«Очень важно, – не сдавалась Катя. – Потому что вам врут двадцать девять человек».

Склонившись над журналом, учитель замолчал. Катя мельком взглянула на часы – оставалось семь минут до конца урока. Часы ей подарили родители на день рождения. Катя попросила электронные, так как они точно отображали минуты и секунды. Конечно, с циферблатом часы красивее, но там можно ошибиться на минуту-две.

Учитель достал папку с нотами. Катя облегченно вздохнула – петь не придется. Заданные на дом слова песен, которые они в классе аккуратно записывали по куплетам в тетрадку, Катя прилежно учила, но вот петь! Это гораздо хуже, чем полчаса выслушивать звуки пианино, или страшнее того, старую скрипучую грампластинку. Петь о школе или качелях, хором или по отдельности – для Кати было весьма затруднительно и невообразимо скучно. Но она старалась.

Однако, эта «четверка» по пению в третий раз не давала Кате в конце года держать в руках похвальный лист.

Она научилась залезать на канат, который тоже изначально казался Кате недосягаемой вершиной. Но она, стирая руки в кровь при многочисленных спусках, не отступала, и толстый канат поддался, также как и прыжки в длину, и бег на короткие дистанции. Катя тогда поняла, когда по физкультуре обогнала всех в классе – не обязательно любить дело, чтобы делать его лучше всех. Нужно его победить. Тогда оно становится не таким страшным и не таким противным, и с ним уже можно сосуществовать.

Учитель заиграл снова. Катя хотела было уставиться в окно по привычке, но неожиданно до нее донеслись звуки электрогитары с фюзом – плавные, волшебные, рассыпающиеся с треском, как падающие с неба звезды. Она увидела ночное небо, нарисованное музыкой, увидела тонкие линии, по которым, как по проводам, мерцая и треща, бежали искры, образуя бесконечную сеть.

Катя с удивлением посмотрела на учителя, но он вдруг исчез, а над ней обеспокоенно склонился мужчина, от которого тонко пахло знакомым одеколоном.

– Ты меня слышишь? – негромко спрашивал Музыкант. – Слышишь, маленькая?

«Что ты слышишь?!» – вновь за столом очутился учитель, и его глаза за толстыми стеклами очков странно уменьшились.

– Дождь, – упрямо ответила Катя, подумав о том, что и в этом году похвальной грамоты опять не будет. Как же это обидно – не иметь слуха, а более того – не иметь возможности его натренировать. Она вела себя прилично целый год: не каталась на трамвае, прицепившись к нему сзади, потому что ее подруга прошлой зимой при неудачном падении разбила лицо; не прыгала через забор, потому что один из тех, кто прыгал с ней, сломал обе ноги; не звала ребят есть вишню на заброшенном кладбище, хотя она там удивительно вкусная; не играла в календарики на перемене, потому что побила прошлой весной того, кто пытался сжудничать – в общем, за целый год никто не смог бы ни в чем обвинить ее. Катя добила отличного поведения, победив себя. И вот приближается май, но она с тоской глядит в окно: не будет заветного желтого листа из-за музыки, которая оказалась непобедима.

– Она больна! – кричал кто-то рядом. – Я не могу уехать! И ее не могу взять с собой. Она не может подняться. Не может встать...

«Я не больна, – хотела ответить Катя. – Я просто не слышу».

«Когда у человека нет слуха, то говорят, что медведь ему наступил на ухо», – с некоторой издевкой в голосе изрек учитель свой вердикт, словно в назидание всем остальным ученикам. – А тебя он растоптал!»

– Миш... – беспомощно позвала Катя. Ей казалось, что когда он наклоняется над ней, опираясь сильными руками о постель, то кошмарный образ учителя исчезает.

«Ты нездорова!!!» – кричал учитель.

– Она нездорова!!! – кричал Музыкант.

«Ты слышишь?! Горе, радость, настроение? Что ты слышишь?» – строгий голос чеканил где-то внутри головы, заставляя ее от боли разрываться.

– Ты слышишь? – нежный голос раздавался снаружи.

– Дождь, – чуть шевельнула губами Катя и провалилась в темноту.

Музыкант с легкостью поднял ее на руки, стащил мокрую от пота ночную сорочку. Перестелил постель. Прикрыл форточку, потому что за окном заурчала подъехавшая машина, раздалась раскаты грома, и крупный дождь затарабанил по жестяному карнизу.

– Я на два дня, – говорил Музыкант, вышагивая по комнате и на ходу надевая пиджак. – Я ненадолго. Соломону нужно уехать в Испанию. Он не может оставить китайское предприятие. Я позвонил академику Коростылеву, он присмотрит за тобой, он все время будет рядом. Ты меня слышишь?

* * *

– Ты меня слышишь? – рядом с постелью сидел пожилой мужчина. Он протер очки и водрузил их обратно.

– Дождь, – Катя открыла глаза. Изображение учителя задержалось, поплыло и тотчас превратилось в академика Коростылева.

– Да, – кивнул он. – Льет как из ведра. Как ты себя чувствуешь?

Катя, приподнявшись, оперлась спиной о подушку и оглядела комнату в поисках Музыканта. Айпада на привычном месте не было – единственной вещи, по которой можно было догадаться о том, где находится Музыкант. Но на прикроватной тумбочке стояли лишь пузырьки с лекарствами, графин с водой, пару кружек, лежали таблетки, ампулы и шприцы.

– Где? – Катя схватила телефон с пола, вырвав из него провод зарядки.

– Он уехал. У тебя была высокая температура, скорее всего, грипп. Но точно скажу после анализов. Ты проспала несколько дней, – улыбнулся Коростылев. Неглубокие морщинки разошлись по его круглому лицу.

Катя мгновенно включила календарь на телефоне:

– Несколько? Сегодня – воскресенье. Но в пятницу, я помню, мы подписывали документы.

– Совершенно верно. Только не на этой неделе. На прошлой.

– Где Музыкант? – Катя попробовала позвонить, но телефон Музыканта не отвечал.

– Там возникли некоторые трудности, – замялся Коростылев. Извлек из внутреннего кармана расческу с частыми зубьями, причесал и без того приглаженные седые волосы.

– Там?!

– В Китае. Музыкант звонил постоянно. Он вынужден задержаться ненадолго. Все хорошо.

– В Китае? – медленно повторила Катя, с трудом возвращаясь в настоящее время. Коростылев, видя, что она пытается собраться с мыслями, умолк и, встав с кресла, засуетился. Собрал с тумбочки лекарства и прошел на кухню. Вскоре там зашумела вода, захлопали дверцы шкафчиков, зашипел чайник, и зазвенела посуда.

– Коростылев! – крикнула Катя. – Мне нужно в студию!

– Сначала ко мне в институт, – возразил академик. – Сдашь кровь. Шутка ли – на восемь дней вырубил человека.

– Я здорова! – негодовала Катя, соскочив с постели. Набросила халат. – Я все время так болею.

– Тем более. Так болеть нельзя. Иди пить чай. И как часто ты болеешь подобным образом?

– Редко. А так у меня даже насморка не бывает. Правда! – заверила его Катя, надеясь на то, что Коростылев отвезет ее в студию и прекратит лечение. – Честное слово.

С первой ложки бульона, Катя почувствовала острый голод. С аппетитом уплетая горячий бульон с сухариками и кусочками курицы, она продолжала убеждать Коростылева в своем полном выздоровлении.

– У Музыканта не отвечает телефон.

– Он вчера звонил, все в порядке, – Коростылев стоял у раковины и мыл посуду.

– С какого номера? – подозрительно переспросила Катя, проглядывая на телефоне журнал звонков. Входящие от Музыканта датировались четвергом прошлой недели, а неприятых звонков и вовсе не было. – Не звонил он мне.

– С рабочего, наверное. Он мне звонил, – не оборачиваясь, ответил Коростылев.

– Дай мне номер! – потребовала Катя.

– Одевайся, и поехали.
– Ты что-то недоговариваешь, – с сомнением произнесла она. – Что-то случилось?
– Все в порядке.
– Дай мне номер! – Катя схватила со стола телефон Коростылева, но никаких китайских номеров там не оказалось.
– Я перезагружал телефон. Аппарат старенький, ничего не сохранилось.
– Коростылев?!
– Музыкант звонил вчера, – твердо ответил Коростылев.
– Соломону позвоню, – решила Катя. Но не отвечал ни Соломон, ни Сергей. Все абоненты были отключены. – Сговорились, что ли?

Научно-исследовательский институт академика Коростылева располагался за городом. Катя сидела на заднем сиденье автомобиля. Достала телефон из сумки и вышла в интернет, намереваясь посмотреть электронную почту и новости. Связь то появлялась, то пропадала. Вебстраницы наполовину загружались, но буквы, составляющие тексты, мало того, что располагались в хаотичном порядке, так еще и были намешаны из всевозможных иностранных языков. «Декодер, наверное, слетел», – вздохнула Катя. Попробовала открыть электронную почту, но новых писем не было, а буквенные символы пускались в пляс при каждом обновлении.

Катя убрала телефон в карман, подумав о том, где может быть поблизости хорошая ремонтная мастерская. Посмотрела в окно. В городе что-то неуловимо поменялось. Катя вглядывалась, пытаясь понять, что произошло: те же проспекты, бульвары, здания, люди...

– Кто это? – спросила Катя.
– Где? – спросил Коростылев.
– Не притворяйся. Среди людей. Они в черной униформе, и у них оружие, – вглядывалась Катя. – Будто город на военном положении.
– Галчата, – неохотно ответил Коростылев.
– Галчата?
– Прозвали их так. Из-за одежды. Нечто вроде полиции.
– И... Зачем?
– Для порядка.
– Какого еще порядка? Что стряслось в городе?
– Ничего особенного. В новой части города, построенной Соломоном, как бизнес центр, проводится ряд важных встреч и саммитов. Эти, так называемые, галчата – дополнительное усиление безопасности. Чтобы избежать терактов и срывов. Временная мера. Обычное дело.
– Скорее бери мою кровь. Мне нужно в студию, – забеспокоилась Катя. – Мне все это не нравится. Я возьму такси.
– Я сам отвезу тебя в студию, – кивнул Коростылев. – Не думаю, что ты поправишься окончательно, чтобы отпускать тебя одну.
– Подозрительно смахивает на то, что тебе приказано не спускать с меня глаз, – догадалась Катя.

– Не приказано, а прошено, – уклонился от ответа Коростылев. – Музыкант просил быть рядом, пока ты не поправишься. Насколько я понял, в городе у тебя больше никого нет.

– Есть, – возразила Катя. – Виталик. Он наш друг. Он остался руководить студией вместо нас. Мне к нему и надо. Узнать, как дела, и что происходит.

Музыкант с Катей возрождали работу студии Соломона после трагического случая – город Таркабулак почти полностью выгорел вследствие чрезвычайного происшествия. Как гла-сили СМИ, воспламеняющееся вещество в виде порошка в одну ночь оказалось рассыпано по всему городу. И на рассвете начался тот ужасный пожар. Естественно, предполагали, что город был намерено подожжен. Тогда-то они и познакомились, будучи в обычной двухдневной командировке, с Соломоном – с одной из самых загадочных и странных личностей в их жизни.

Но через некоторое время ничто не напоминало о пожаре – город отстроили заново, по лучшим европейским меркам. Спонсором оказался Соломон Абрахансон – человек, имеющий огромные средства, влиятельные связи и увлекающийся нетрадиционной энергетикой и многим другим...

Катя и Музыкант угнали машину в ту страшную ночь, чтобы выбраться из города. Автомобиль и найденная в багажнике крупная сумма денег превратили их в должников Соломона. Всеми правдами и неправдами, Соломон мягко «намекнул» на то, что теперь они будут работать на него. Хотя, Катя, узнав Соломона Абрахансона ближе, стала сильно сомневаться в том, что угнанный автомобиль и деньги явились случайной причиной их сотрудничества. Она подозревала, что эти вещи были намерено подкинута. Денежная сумма ушла быстро и незаметно, превратившись в издательское медиа-агентство в Москве. Но собственный бизнес вскоре пришлось оставить на управляющих и вернуться в Таркабулак по мягкой, но настоятельной «просьбе» Соломона.

Организовать работу студии – как головного офиса огромного интернет-объединения – оказалось не сложно. В студии трудились архитекторы, программисты, скульпторы, инженеры... – словом, люди, не привязанные профессией к месту работы и жительства. Было создано множество интернет-филиалов, образовавших гигантскую биржу фриланса. Благодаря своей масштабности, доступности, честности и прозрачности, она подмяла под себя все маленькие биржи удаленной работы. Около студии, находящейся на краю города Таркабулака на берегу Аральского моря, расположились и несколько поселков. В них жили сотрудники студии, приехавшие из разных городов.

Но Катя знала и то, что студия была не просто рабочим офисом, но и очередным экспериментом умнейшего и хитрого Соломона Абрахансона. Недаром в студии создавались комфортные условия для труда и отдыха, да и сотрудники подбирались с сильным творческим уклоном. Непостижимым образом, а возможно, благодаря физическим законам или особым свойствам пространства и материи, которые еще не были в общедоступной базе знаний человечества, энергия людей, тепловая, магнитная или бог знает какая, словно по волшебству, преобразовывалась в обыкновенное электричество. Происходило такое преобразование при помощи загадочного полимера, который монтировался в крыши и стены зданий студии и домов, в которых жили сотрудники студии.

Мощность производимой энергии Катя и Музыкант измерить, естественно, не могли. Для них это казалось таинством, чудом, в которое, если и не представлялось возможным поверить, но пришлось принять, как данность. Соломон от разговоров на эту тему уклонялся, и Музыкант догадывался, почему: все нетрадиционные начинания в области энергетики встречались в жизни с традиционной коррупцией, продажностью, деньгами, властью и прочими негативными проявлениями устройства социума.

Соломон предпочитал представлять перед общественностью в образе богатого чудака, одержимого нелепыми, подчас бредовыми идеями, которые, однако, без труда претворялись в жизнь. Но, тем не менее, за Соломоном Абрахансоном наблюдала не одна секретная служба, то и дело внедряя в его окружение своих агентов. Соломон нередко предупреждал об осторожности Музыканта и Катю. И сам ходил по краю пропасти, пытаясь до поры до времени явно не затрагивать меркантильные интересы высокопоставленных чиновников и руководителей. И все-таки, несмотря на опасность, это было чрезвычайно интересно и увлекательно: прикасаться к тайне, которой окутана деятельность Соломона Абрахансона, как к лезвию бритвы – Кате и Музыканту нравилось.

Во время организации работы студии, они познакомились с одним из помощников Соломона – молодым парнем, Сергеем. Не менее загадочным человеком без прошлого и настоящего. Впрочем, Соломон только таких и приближал к себе – преданных делу и независимых ни от кого людей.

Они легко подружились, и Катя считала, что и Сергей, работая на Соломона, может только лишь догадываться об истинных замыслах экспериментов Абрахамсона и целях его деятельности. Соломон был волком-одиночкой, и все, кто оставался с ним, постепенно становились такими же, часто говорила Катя Музыканту.

Когда работа студии наладилась, Соломон попросил найти надежного управляющего. Музыкант понимал, что на горизонте скоро возникнет новое задание. Через неделю с температурой неожиданно свалилась Катя. А Музыканту пришлось срочно выехать в Китай на одно из энергетических предприятий Соломона. Там запускалась крупнейшая станция в мире по производству электроэнергии из возобновляемых источников: солнца и ветра одновременно. Катя поначалу интересовалась тем, что затеял Соломон в Китае, расспрашивала Сергея, который уехал туда, но потом бросила это занятие ввиду недостаточного понимания физики. При этом, она подозревала, что и в Китае, как и в студии, скорее всего, есть тайный «подтекст», и обычная энергетическая станция является частью чего-то более масштабного.

Руководить студией Соломона остался Виталик, деловой и смысленный парень, с которым они познакомились и подружились несколько месяцев назад, пересекаясь по рабочим вопросам.

* * *

– Вы не могли бы нас оставить? – Виталик почтительно обратился к Коростылеву после приветствия. Катя оглядела бывший кабинет Музыканта: стол переставлен из угла к окну, кресла заменены на более широкие. Виталик, из-за своей располневшей комплекции, перестал помещаться в обычных. Второго, Катиного стола, в кабинете не было. А на стене появилась огромная плазменная панель.

– Да, – кивнул Коростылев. – Я побуду в холле на первом этаже, выпью кофе.

Виталик поманил Катю пальцем к себе и придвинул ноутбук:

– Вот что мне удалось нарыть. У Соломона очередная идея-фикс – подарить электричество людям. На земле разбросаны разные области с уникальным сочетанием климатических особенностей. Эти места имеют свойство накапливать энергию, которая, можно сказать, цепляется за них и останавливается. При помощи специальных установок энергия захватывается, и ее зацепившиеся куски приходят в движение, затем перенаправляются на определенные станции или спутники. Образуется своеобразный комплекс. Требуемые установки нужно запустить именно в тех областях. А дальше – опять нечто непонятное: они работают, как стартер автомобиля. Как только заработает весь комплекс, работа установок становится ненужной. Остается только забирать у него излишки энергии. И все. Причем, забирать надо обязательно. Иначе накопленная и сконцентрированная энергия раскрутится и покинет пределы земной атмосферы за счет особого ускорения. В этом эксперименте использованы все свойства пространства: солнечная энергия, энергия ветра, магнитное поле земли, проницаемость...

– Остановись, – попросила Катя, поморщившись.

– В том случае, если обнаруженная деятельность будет признана реально возможной альтернативой существующей нефтегазовой энергетики, то, думаю, Соломону несдобровать. Никто не допустит, чтобы нефть и газ, которые дают деньги, стали ненужными. Понимаешь? Большим государствам требуется, чтобы от них зависели маленькие. Как рынок сырья и рынок сбыта. Руководителям государств, нефтегазовых компаний и банков нужно, чтобы от них зависело население... Чтобы все люди всегда работали на них. А тут получается, что все это рухнет. Что в итоге?

– Что?

– Ничего хорошего, – задумался Виталик. – Да, если Соломон и сделает прорыв, владельцем-то будет он. А другим магнатам это надо? Они захотят прибрать деятельность Соломона к своим рукам, чтобы продолжать получать прибыль и оставить себе власть, как раньше.

– Я не могу дозвониться до Музыканта, – вздохнула Катя. – И у меня что-то с телефоном.

– Это не с телефоном. За последнюю неделю сотовая связь пропадает регулярно. Интернет постоянно срывается или глючит. А телефоны ведут себя странно. Могут звонить сами себе или менять номера контактов. На днях звоню одной... Одной знакомой, начинаю шуточный разговор и через полминуты осознаю, что на другом конце провода – важный деловой партнер, который оторопело отвечает в ответ на мою речь смущенным кашлем. А то еще могут соединиться несколько незнакомых друг другу абонентов в один разговор, потом кто-то вылетает, кто-то остается... Самый смех состоит в том, что имена или голоса очень похожи на того, кого ты ожидаешь услышать. В общем, говорят, что это перегрузка сети, обещают наладить в ближайшее время. Не обращай внимания. Иногда все нормально работает. Единственная проблема, если делаешь какие-то важные документы, не подключайся к сети и сохраняй копии на съемный носитель, иначе и они могут слететь или видоизмениться. Сергей выходил на связь несколько дней назад, – вспомнил Виталик. – Там что-то в Китае... Завод, что ли... В общем, пока Сергей сказал, что они уйдут в тень. Скорее всего, что-то они сейчас делают. Может, запускают одну из таких установок.

– А я? – не на шутку испугалась Катя.

– А ты, – хмыкнул Виталик. – Ты...

– Да, я. Угораздило меня так заболеть! Вдруг что-то случится с ними?

– Да что у Соломона может случиться?

– Все, что только возможно, – расстроилась Катя.

– И невозможно, – рассмеялся Виталик.

Катя хмуро взглянула на него.

– Я в Китай поеду. Найди мне адрес этого завода. А я закажу билет, – решила она.

– А если Музыкант не в Китае? Что, если он нарочно дал ложную информацию по телефону?

– Черт. Об этом я не подумала, – созналась Катя. – Остается только ждать здесь, когда он про меня вспомнит. Как бы дать ему знать, что я здорова?

– Успокойся. Соломон узнает всегда, все и сразу. Скорее всего, они уже в курсе, но не считают целесообразным связываться с тобой обычными способами телефонной или электронной связи.

– Соломон-то, может и узнает, но какое дело ему до того, что мне необходимо быть рядом с Музыкантом? Он может и оставить Музыканта одного выполнять работу. Соломону никакие чувства неведомы. У него, кроме дела, ничего не существует.

– Что ты, – возразил Виталик. – Музыкант все равно добьется, чтобы ты была рядом, как только появится такая возможность.

– Надеюсь, – огорчилась она, явно почувствовав, что Виталик ее старается успокоить, и что Музыкант давно не звонил Коростылеву.

Работа у Соломона вечно окутывалась сверхсекретностью, сверхопасностью, сверхсерьезностью и тем, чего Катя никогда не любила – сверхнеопределенностью.

Коростылев ждал в машине на парковке около здания студии. Он что-то напевал себе под нос, и настроение его за полчаса разительно поменялось, как заметила Катя.

– Собираем вещи и двигаем в Китай! – сообщил академик.

Улыбка тронула ее, еще бледные после болезни, губы: «Ура! Мы едем к Музыканту!»

– Возьми только самое необходимое и несколько теплых вещей. Добираться придется на попутках и через горы.

– Хорошо, – беззаботно кивнула она, и на всякий случай уточнила: – Через горы, я не ослышалась?

– Можно сказать, мы – альпинисты. Для всех.

– Глупость какая-то. Соломон мог бы сделать любые документы. И вылетели бы самолетом, – дернула плечом Катя. – Зачем идти в горы? Вечно у Соломона все шиворот-навыворот. Коростылев! Ты давно с ним дружишь?

– С кем?

– С Соломоном.

– Соломон не имеет друзей. А знаю я его давно, – ответил Коростылев.

Глава 1

По узкой горной тропинке мелькала цепочка из нескольких человек с большими рюкзаками. Она появлялась и вновь исчезала за низкорослыми деревцами, за огромными осколками гористой местности, поросшими зеленым покровом мха на теневой стороне. Петляя по каменистой, высохшей за несколько месяцев, земле, люди настойчиво продвигались вперед.

Первым шел коренастый мужчина почтенного возраста. Он часто оглядывался, словно боялся потерять кого-либо из вверенных ему людей. Встречаясь взглядом с худощавым, темно-волосым молодым парнем, который шел предпоследним, академик Коростылев продолжал путь. Дорога была трудна из-за палящего солнца, крутых подъемов и резких спусков под ногами, из-за тяжелых рюкзаков за спинами, и бросаемой ветром пыли, которая заставляла слезиться глаза и скрипела на зубах... Двигались в основном по узким и широким долинам, огибавшим зелено-серые холмы. А вдалеке стеной возвышались коричнево-серые морщинистые горы.

Сергей часто оборачивался на последнего путника: она не отставала, шла спокойно, неся за плечами огромный рюкзак из матерчатой ткани. Девушка с вялым интересом осматривала Тибетское нагорье, по долинам которого они двигались без отдыха более десяти часов. Темно-каштановые волосы ее струились слипшимися прядями по плечам, а брови скрывала непослушная прямая челка, из-под которой сверкали голубые глаза. Впереди Сергея мягким звуком почти одновременных шагов, но с разным расстоянием друг от друга, безынициативно брели трое высоких, широкоплечих мужчин. Они, словно на маяк, ориентировались на спину академика Коростылева.

Если присмотреться к блуждающим взглядам троих человек, которые находились между Коростылевым и Сергеем, то вся пешая цепь, упрямо преодолевавшая метр за метром, условно делилась напополам: эти трое будто не понимали цели путешествия и не замечали отличительных особенностей незнакомой местности.

...Тепло уходящего солнца под давлением сумеречного, но еще не совсем темного неба, сменилось сухой прохладой, заставившей подняться волосам на неприкрытых участках кожи. Свет плавно уползал за высокие белоснежные хребты гор на западе, разделенные глубокими разломами.

– Привал, – с облегчением сбросил свою ношу Коростылев на землю. Он поджидал растянувшуюся по тропинке команду. Трое идущих следом, молча скинули рюкзаки и присели на камнях. Через минуту образовавшаяся горка вещей пополнилась и рюкзаком Сергея.

Катя находилась еще в пятидесяти метрах от выбранного пристанища, но, заметив оставившуюся группу, пришла в негодование.

– Я не буду здесь ночевать! – заявила она. Мужчины вяло взглянули на нее.словно изможденные животные, которым все равно, накричат на них, приласкают или ударят. – Не буду!!!

– Кать, – миролюбиво ответил Сергей, помогая ей снять тяжелый рюкзак с плеч, когда она подошла. – Еще долго идти. Мы переночуем и двинемся дальше. Надо перекусить и немного поспать.

– Здесь?! – не снижая громкости раздраженного тона, продолжала она заводитьсь.

– Здесь, – открывая один из рюкзаков, как можно мягче сказал Сергей. Он достал несколько завернутых в фольгу кулчков и пару банок консервов, выложив все на большой плоский камень. – Последняя ночь. Завтра будем на месте, потерпи.

– Что вы расселись? – Катин гнев обрушился на троих мужчин, которые смирно сидели на камнях, около груды вещей. – Это вас нужно сопровождать и прятать, охраняя в Тибетских непроходимых горах! Вставайте и ищите сухие ветки для костра! Из-за вас троих дура...

– Катя!!! – откуда-то сбоку донесся предупреждающий окрик Коростылева, от которого Катя, если и не успокоилась, то хотя бы замолчала. – Вода! Тут ключ небольшой. Идите сюда!

Сергей отцепил котелок от рюкзака и достал пустые пластиковые бутылки. Катя спустилась по тропинке к Коростылеву. За серыми валунами обнаружилось углубление в земле, окруженное камнями и наполненное прозрачной водой. Вода лениво бурлила и, переливаясь через край, текла вниз с обрыва, лаская сочную траву и полируя поверхность камней. Верхняя часть огромного камня растрескалась, и небольшой ручеек неторопливо точил и углублял трещину.

Катя обогнула камень и подставила руку под неспешную струю:

– Какая ледяная! Руки стынут. На мне сантиметровый слой пыли, и чешется все тело! Я хочу помыться, – последние ее слова были похожи на стон, вызывающий к справедливости стремительно темнеющее хладнокровное небо.

* * *

Ужин состоял из нескольких горстей отваренного риса, перемешанного с мясными консервами. Трапеза прошла достаточно безмолвно, на скорую руку. Катя с недвусмысленной гримасой отвращения съела пару ложек. Затем достала остатки засохших лепешек и, разломав их на равные части, положила на плоский камень.

Костер уютно потрескивал, пожирая тонкие сухие ветки и неровно освещая заросшие щетиной мужские лица. В стороне высилась просторная палатка защитного цвета, намекая на возможность реализовать одну из самых основных потребностей людей – сон.

– Все, – Катя выгребла ложкой остатки прилипшей рисовой каши из котелка и протянула ее рядом сидящему мужчине. Он был русоволосый, с зелеными глазами. Приятная европейская внешность дополнялась улыбчивым и добрым выражением лица. Мужчина послушно взял ложку, слизал прилипший рис дочиста и захрустел куском хлеба. Катя взяла котелок. Дружно брошенные в него ложки брякнули о жестяное дно. – Сереж, я сейчас помою. Достань, пожалуйста, чай. У нас еще оставался?

Коростылев подал знак мужчинам, негромко бормоча то ли им, то ли себе под нос не то команду, не то пожелание ко сну. Передал им куртки, в которые каждому помог облачиться и застегнуться.

– Детский сад, – презрительно бросила Катя, удаляясь с котелком к горному роднику. – На горшок их еще посади.

Сергей собрал остатки еды, бережно завернув их в фольгу и бумагу. Упаковал кульки в рюкзак. Повертел в руках пустую банку из-под консервов, прикидывая в уме, может ли она еще как-нибудь пригодиться.

– Кать! – он, увидев, что мужчины находятся под присмотром Коростылева, двинулся к роднику. – Это могут быть чашки! Или тарелки!

– Сам пей и ешь из таких чашек. Рыбный запах я не отмою. Лично я буду прихлебывать из котелка, – Катя принялась к стенкам. – Вроде не пахнет. Заварку нашел? Сахар?

– Да, – Сергей наощупь приблизился и подставил пластиковую бутылку к тонкой струйке холодной воды.

– Уложил он своих детишек? Может, у тебя есть догадки о том, что ценного в трех здоровых мужиках, которых мы должны сопровождать?

– Можно потише? – попытался утихомирить ее Сергей.

– Нет, нельзя!!! – словно нарочно, так, что слышали бы и горы, громко распалялась Катя. – Почему я вынуждена делать то, в чем не понимаю смысла?!

– Это – жизнь, – с грустью вздохнул Сергей, стараясь оттереть пучком сорванной травы внутренние края жестяных баночек.

– Давай, – появившийся из темноты Коростылев протянул руку к котелку, который Катя со злости терла песком в сотый раз. Набрав в него чистой воды, Коростылев отнес котелок назад.

– Их откуда-то вытащили или выкрали, а теперь переправляют по всей стране с меняющимися провожатыми, – шепнула Катя Сергею. – Я так думаю. Только почему они не разговаривают? Они вообще игнорируют меня, как будто им нельзя вступать ни в какие контакты.

* * *

– Они точно там? – Катя кивнула на палатку, откуда не раздавалось никаких звуков. Коростылев, спохватившись, подскочил и заглянул внутрь. С видимым успокоением он вернулся к костру, над которым в котелке закипал чай. Коростылев достал металлическую плоскую фляжку и поставил ее на камень. Сергей снял котелок с кипящей водой и наполнил ею две круглые жестяные баночки. Плеснул в них и немного жидкости из фляжки. Котелок он поставил к Кате поближе и достал из кармана несколько кусочков щербета из молочного сахара с орехами, завернутых в бумагу.

Катя брезгливо отодвинула его ладонь с угощением, зато взяла фляжку и запрокинула ее, прислонив к своим губам:

– Я не люблю сладкое. Дай мне лучше оставшегося хлеба.

– Нет больше хлеба, – Сергей развел руками и полез в рюкзак, надеясь там обнаружить хоть какие-нибудь завалявшиеся куски. Не найдя, ответил с искренним сожалением: – Сказала бы пораньше, я бы оставил тебе свою часть.

– Ничего, я не голодная, я просто, – махнула она рукой. Попробовала поднять котелок. И рассмеялась: – Дай мне ложку! Я буду пить чай ложкой. А то у меня слишком тяжелая чашка.

Коростылев допил чай и поставил баночку возле костра на камень. Постоял несколько минут, согревая спину теплом от костра. С наслаждением вдохнул чистый воздух:

– Спасибо за ужин.

Сергей кивнул. Катя не ответила. Сидя на камне, она смотрела на огонь и держала в руках ложку, болтая ее между пальцев, а ее коленки нервно тряслись, стукаясь друг о друга.

– Катюша... – с этими словами Коростылев вылез из палатки через мгновение. – Все-таки, я врач. Выпей, пожалуйста.

На ладони Коростылева лежали несколько таблеток. Катя с готовностью протянула руку в ответ, точно ей было абсолютно без разницы, чем заглушить свою боль, которая проявлялась во внешнем мире плохо подавляемым раздражением, и во внутреннем – пожирающим драконом.

Сергей мгновенно встрял посередине, точным ударом перевернув руку Коростылева. Таблетки улетели в траву:

– Своих пичкай.

– Коростылев, почему они не разговаривают? – спросила Катя.

– Считай, что они больны, – после долгой паузы ответил Коростылев.

– Чем? – удивилась она.

– Молчанием, – отрезал он. Сейчас академик совершенно не походил на того добродушного старичка, которого знала Катя в Таркабулаке. То есть он также улыбался, был ко всем добр и заботлив, но вместе с тем Коростылев стал немного другим – уверенным и в то же время виноватым, боязливым и в то же время спокойным, молчаливым и в то же время энергичным.

«У него какая-то тайна, и он не хочет о ней говорить. Скорее всего, она не очень хорошая, – подумала Катя. – А чему я удивляюсь? У Сергея тоже есть тайна, но ее я знаю. Да и у нас с Музыкантом есть то, о чем мы вряд ли кому расскажем. Где же ты, мой мальчик, что случилось, почему не отвечает твой телефон и телефон Соломона? Как я боюсь, что произошло необратимое. Измени, уйди, но только дай мне знать, что ты жив, и что все у тебя хорошо...»

Коростылев скрылся в палатке.

– В пять подъем, – донеслось оттуда. – Костер тушите.

Катя с любопытством взглянула на Сергея:

– Ты чего?

– Ничего, – буркнул он.

– Я бы не отказалась от успокоительных, потому что сама себя раздражаю в последнее время.

– Не надо, – мотнул головой Сергей. – Это пройдет. Неизвестность и неопределенность всех выматывают. Все будет хорошо.

– Самое дурацкое утешение в мире, – сникла она. – Ты знаешь о том, что оно никогда не сбывается?

– Придет и его время, – Сергей улыбнулся и протянул руки к костру, растопырив костлявые пальцы, кожа на которых по краям подсвечивалась от огня красно-оранжевым ободком. Катя посмотрела на его худощавую, но подтянутую фигуру, на взъерошенные черные волосы, на густые ресницы и черные глаза, в которых, казалось, не было границы между зрачком и радужной оболочкой. Его видимый образ невольно расплылся, превращаясь в мускулистого, высокого мужчину с бритой наголо головой, с нежно-светлыми смеющимися глазами и сладкой улыбкой на губах, которые так и тянет целовать...

«Тьфу!» – Катя сквозь зубы плюнула в костер, как заправский парень из подворотни. Образ Музыканта сразу же исчез.

Сергей удивленно приподнял брови и посмотрел на нее.

– Это меня Музыкант научил, – рассмеялась она. – Как на что-нибудь пожалуюсь, так: «плюнь». Вот я и плюнула.

– Помогает? – поинтересовался Сергей.

– Нет. Но зато я научилась далеко плевать.

– На людях не надо этого делать.

– А я на людях и не делаю, – пожала она плечами. – Ты ж не людь. Осталось там еще что-нибудь?

– Хватит! – Сергей перехватил у нее фляжку.

– Глоточек?

– На, – Сергей налил в консервную банку немного жидкости. Фляжку он отнес в палатку.

* * *

Сергей еще долго таскал воду с родника к костру, подогревал ее в котелке и переливал в бутылки, которые Катя относил к роднику и закутывала курткой, чтобы не остыли.

– Ты воду, что в котелке, оставь на последний раз, она погорячее.

– Ладно, – кивнул Сергей.

– Залезай на камень и лей сверху! – Катя с трудом переносила ощущение пыли на коже, и последние три дня этого чудовищного похода ей казались адом. Она мигом перехватила длинные волосы ближе к затылку, скрутила их в узел и заколола палочкой, как шпилькой. – Ничего же, что я разденусь?

– Одетой, действительно, мыться не с руки, – согласился Сергей. – Я все равно ничего не вижу.

Катя не в силах устоять перед чистой водой, прошла к камням и, чуть поколебавшись, скинула с себя все.

– Давай...

В котелке оставалась треть горячей воды.

– Раздевайся и ты, – скомандовала Катя. Она, довольная, надела чистую водолазку и джинсы, и нагнулась к оставшейся воде в бутылках. Вылила в котелок пару бутылок. – Ополоснуться хватит. Как хорошо-то...

Сергей внезапно почувствовал, что значит вода для тела, изъеденного потом и уставшего от однообразной долгой ходьбы. Он, сдернув брюки и стабив через голову рубашку, произнес:

– Лей!

Катя, забравшись на камень, лила воду осторожно, стараясь сэкономить теплые струйки драгоценной воды.

– Кто так поливает? – возмутился Сергей.

– Во-первых, мне совершенно не видно, куда я лью, а во-вторых, воды мало.

– Так только грязь развозить. Стой, – Сергей, намылившись, отмахнулся, и, с непроизвольно вырвавшимся криком, встал под сочившуюся с раздвоенного камня ледяную воду. Катя напоследок вылила на него все, что оставалось в котелке.

– На! – торопясь, Катя подавала одежду Сергею, помогая ему растереться после ледяного душа. Полотенцем служила рубашка Сергея, но и она была влажной, после того, как ей вытерлась Катя.

Костер тлел углями. Сергей чуть разворошил его и тушить окончательно не стал, посчитав, что он вскоре погаснет сам.

Из палатки доносился несинхронный храп мужчин. Расположившись слева от лежащей в ряд компании, Катя притиснулась к Сергею и уткнулась в его, пропахнувшую костром куртку. Он обнял ее, в задумчивости глядя по волосам.

Сергей не знал, когда вернется Музыкант, и вернется ли он вообще. Расстались они неожиданно. Музыкант был вынужден уехать в Китай и проследить за запуском построенной там энергетической станции. Предполагалось, что он вернется через два дня. Поскольку и Музыкант, и Катя, и Сергей, как имеющие дела с Соломоном Абрахансоном, давно были под прицелом неизвестных им спецслужб, то, по предположению Сергея, им пришлось срочно разделиться, чтобы попытаться сбить со следа «надсмотрщиков». Сергей, так и не успев встретиться в Китае с Музыкантом и Соломоном, тайком под чужими документами пробрался к границе Казахстана, где должен был встретиться с академиком Коростылевым и Катей. Они под видом заядлых альпинистов, «отдыхающих» в Тибете, двигались к нагорью. Проведя день в заброшенной деревушке, они втроем дождались этих незнакомых мужчин. Их привели ночью. В тот же момент Коростылев поднял Катю и Сергея с кроватей и приказал собираться в путь.

Ничего об этих мужчинах Коростылев не объяснял, хотя Сергею показалось, что он их прекрасно знает. Только наутро Сергей сообразил, что мужчины, мягко говоря, не в себе. Он спросонья не сразу обратил внимания на то, что они не только не представились ночью, но и вовсе не проронили ни слова. Подойдя к Коростылеву, Сергей спросил, кто это такие. На что последовал неоднозначный ответ, прекращающий дальнейшие расспросы: «Они идут с нами. Я иду впереди, ты за ними». Сергей только приподнял брови: его задачей было забрать Катю, и Коростылев должен был им быть в помощь на всякий случай в этой своеобразной «командировке», но ни о каких мужчинах Соломон не предупреждал.

Сергей давно привык не задавать лишних вопросов, но трое молодых, физически развитых, и при этом немых мужчин с потерянными взглядами, вносили жуткую неясность в «задание». На вид им было около тридцати-тридцати пяти лет. Одежда недешевая, волосы ухожены. Только движения чуть медленней, чем у нормальных людей, словно все реакции заторможены, как под воздействием алкоголя или наркотиков...

Мужчины за весь путь не доставили никаких забот, послушно исполняя команды Коростылева, точно узники, приговоренные к смертной казни. Хлопот больше доставила Катя. Без Музыканта она стала невыносимой: то кричала по поводу и без, то плакала, то отказывалась идти дальше, грозясь убежать, то раздражалась на любую остановку в пути. Коростылев ста-

рался не замечать Катиного поведения, мужчины только изредка поглядывали на нее, терпеливо ожидая конец недолгим вспышкам. Сергей отдал ей свой mp3-плеер. Слушая музыку или аудиокнигу, Катя надолго успокаивалась и следовала за мужчинами. Во время привалов, которые неизменно сопровождались громким Катиным раздражением, Коростылев шептал Сергею, кивая на наушники: «дай ей скорее пустышку, чтоб замолчала». Но иногда остановки были удивительно тихими. Катя быстро раскладывала еду из рюкзаков, деля ее на порции, набирала воду в опустевшие бутылки – но все это делалось с такой чудовищной грустью и покорностью, что Сергею делалось не по себе. Он считал, что лучше пусть она кричит, выливая эмоции, чем они разорвут ее изнутри. Сергей понимал, что она переживает из-за Музыканта, и все эти перемены настроения являются бессильным протестом, но такая глубина чувств, казалось, никак не могла быть внутри хрупкой девушки. Пару раз он хотел взять у Кати рюкзак, чтобы та могла передохнуть, но она со злостью отмахнулась. Во время привалов Сергей старался положить более тяжелые вещи к себе в мешок, но натыкался на усмешку Коростылева. Академик выразительно оглядывал худошавую фигуру Сергея, намекая на его не слишком большую физическую силу.

Сергей двигался по компасу, замеряя пройденный путь на шагомере, встроенном в наручные часы. Координаты конечной точки пути он выучил еще до поездки. Во время редких остановок Сергей вновь и вновь чертил схему, замеряя пройденный маршрут, который осложнялся тем, что гористая поверхность вносила большую погрешность.

В Тибете Сергею предстояло закрепить и собрать энергетическую установку-усилитель в заранее определенном месте. Так, чтобы впоследствии она некоторое время работала полностью самостоятельно. Эта установка раз и навсегда перенаправит разбросанную энергию пространства на центральную станцию. А та, в свою очередь, преобразует энергию в электричество. Идея Соломона Сергею понравилась сразу – полученной электроэнергии будет много, производство ее станет экологически безопасным, да к тому же все это будет управляться и регулироваться автоматически, дистанционно. Всю схему Сергей понимал плохо, хотя и старался в нее вникнуть. Но, либо Соломон открыл новейшее чудо получения электроэнергии, либо у Сергея не хватало знаний для понимания этого способа.

Сергей обучался несколько месяцев, но и сейчас был не вполне уверен, что сможет собрать требуемую установку один. Подобные ей функционировали в Испании, Китае и Средней Азии. Сергей час за часом, день за днем перебирал в памяти расчеты мощностей и координаты местности. Что-либо записывать Соломон запретил. Но Сергей схитрил и, взяв с собой потрепанную книжку Теслы, карандашом отметил выбранные буквы или предложения на некоторых страницах, создав одному ему понятный шифр подсказок.

Энергетическую установку требовалось собрать заново из частей, которые Сергей получит на месте. Как это будет происходить – Сергей не представлял. Сколько они будут торчать в Тибете – он тоже не знал. Опять до какого-либо указания от неизвестно кого. Сергей только желал себе одного: во всей этой неопределенности суметь отличить друга от врага. И, конечно, нагрузка в виде трех незнакомых мужчин оказалась для Сергея полной неожиданностью.

Такая жизнь, насыщенная почти тайными и зачастую непредвиденными инструкциями, длительность и опасность выполнения которых никем не обозначалась, для Сергея давно была не в новинку, и он начал к ней привыкать. По крайней мере, он отмечал в себе быстрорастущее со временем терпение и спокойствие. Соломон с его сумасшедшими идеями и экспериментами, вызывал у Сергея трепетное восхищение и чудовищный интерес, который начинал походить на наркотик. Соломон никогда не говорил прямо о своих задумках, выдавая лишь узкую часть работы, которую нужно было сделать. О масштабах и глубине идей Соломона, которые к удивлению Сергея, несмотря ни на что, в результате становились действующими и работающими, можно было только догадываться.

Веки Сергея закрылись...

* * *

– Сереж! – Катя немного подергала его за плечо. – Ты горишь весь.

Сергей бессильно мотнул головой и вновь погрузился в забытие.

– И почему я здесь? – еле слышно проворчала Катя, поднимаясь. – Я тоже хочу спать!

Найдя рюкзак Коростылева, она вытащила его из палатки. Подкинула веток и сухой травы в костер. Приспособила на палку котелок. Открыв боковой отдел рюкзака, перебирала упаковки с таблетками и капсулами. Обнаружив жаропонижающее лекарство в ампуле, упакованную в твердый чехол, Катя прижала бутылку воды к губам и, посчитав ее достаточно холодной, подержала пару минут над костром, мысленно отсчитывая цифры за неимением времени.

– Сереж, – шепча, она вновь прикоснулась губами к его пылающим вискам. – Приподнимись-ка.

Он с трудом разжал высохшие губы, но ощутив капли воды на них, с жадностью припал к горлышку бутылки. У ампулы Катя отсекла кончик и вылила содержимое в ложку. Придерживая голову Сергея, влила лекарство ему в рот.

Сергея знобило и трясло всю ночь. Катя, достав из рюкзаков одежду, пригодную для использования в качестве одеял, старательно укрыла Сергея. Согрев в котелке воды, умудрилась в ночи найти пару кустов дикой малины и, наломав веточек, бросила их в котелок. Катя поднимала голову Сергея через каждые полчаса, заставляла пить сладковатую жидкость, шептала что-то успокаивающее и вытирала выступающую испарину на его висках и шее...

В беспамятстве Сергей пил, подчиняясь движениям женских заботливых рук. Остальные мужчины мирно похрапывали во сне, плотно прижавшись друг к другу.

Почти перед рассветом Сергей очнулся полностью мокрый от пота. Катя сидела перед ним на коленях:

– Уф, – облегченно вздохнула она, заметив здоровый блеск его темно-угольных глаз. – Переодевайся.

Рядом лежали приготовленные сухие вещи.

– Ты не спала?! – изумился Сергей.

– Успнешь тут, – с привычным раздражением пробормотала Катя. – Я надеюсь, что ты все правильно просчитал, и мы действительно сегодня окажемся на месте. И не купайся больше в родниках. Ты для этого больно нежный оказался.

Сергей переоделся.

– Ложись, хоть час еще поспишь.

– Да не надо мне, – отказалась Катя, но расслабленно привалилась спиной к рюкзаку. Тут же ее глаза крепко сомкнулись.

Солнце вставало из-за зигзагообразного хребта горы, когда Катю легонько потряс за плечо Коростылев. Она растерянно приподнялась: в палатке никого не было, рюкзаки вынесены. Коростылев протянул ей железную банку из-под консервов, наполненную горячим чаем.

– Пора двигаться, – напомнил ей.

Катя послушно отпивала жидкость маленькими глотками и пыталась держать тяжелые веки открытыми.

Красота рассвета в горах была необыкновенной, Катя вертела головой по сторонам, стараясь запечатлеть увиденное в памяти. Сияние от солнца словно плавило блеклый шелковый платок, которым укутывалась на ночь земля. Цветочные луга в предгорьях загорались разноцветными нежными красками, небо прояснялось ярким голубым оттенком. Неприметные серые и коричневые камни, выделявшиеся на фоне травы и кустарников, приветливо подставляли свои бока под теплые лучи и отливали краснотой. Коростылев с Сергеем, заметив Катин восхищенный взгляд, переглянулись и неслышно рассмеялись.

Сергей затер подошвой начерченную на земле очередную схему расчетов пути и затоптал остатки костра, отшвыривая угли в траву. Коростылев ловко собрал палатку, свернул ее и привязал к рюкзаку. Трое мужчин, сидевшие на камнях, поднялись и подхватили свои рюкзаки.

– Где мои наушники? – хлопая себя по карманам, спросила Катя.

Сергей вытащил их из своего кармана и протянул ей. Заботливо поправил лямки Катиного рюкзака. Подергав, немного подтянул их.

– Нормально?

– Конечно, нормально. Всю жизнь ходила с таким грузом по горам. Вот как родилась с рюкзаком, еле вытащили. Врачи так удивились: высовывает голову маленькая девочка и говорит: «ребята, подсобите, рюкзак застрял». Извлекли мне рюкзак, и я сразу пошла, и пошла, и пошла, – кивала головой Катя. – До сих пор не дойду никак!

Русоволосый мужчина, искоса наблюдавший за нею, неожиданно для всех разразился отрывистым, заразительным смехом.

– А... Один не немой, все-таки. Неплохо, – продолжала ворчать Катя, доставая плеер и присоединяя к нему наушники. Следом зашелся от смеха и второй мужчина. – Ага, и второй. Родник был, лучше бы побрились. Хожу тут с вами, точно с обезьянами. По горам, по долам...

Ничего смешного нет. Если бы Музыкант увидел меня, у него бы сердце разорвалось от жалости ко мне! И его гитара с фузом тоже бы расстроилась!

Захохотали все.

* * *

Шли целый день без отдыха и привалов. Ближе к закату Сергей остановился. Расчистив ногой небольшую площадку земли, вновь изрисовал ее стрелками, подсчитывая расстояние. Коростылев с тревогой наблюдал за ним.

– Ничего не понимаю, – пожал плечами Сергей. – Мы должны быть на месте...

– На месте, – всплеснула руками Катя. – А на месте что? Может, дворец должен быть? Доставай палатку, будем жить в ней.

Коростылев нервно закурил, сосредоточенно проверяя схему и пересчитывая за Сергеем. Катя стояла рядом, от злости пиная колючий куст и рассматривая платообразную местность. Виднеющаяся гряда гор задерживала осадки на наветренной стороне и пылала в подножии пестрыми лугами, точно яркими коврами. Чуть правее горный хребет издалика казался умирающим сероватым пустынным склоном с прилегающим к нему кружевом бедной и сухой растительности. Еловые редкие заросли теснились на теневых участках. Неровная долина походила на накиннутый плед, под которым скрывалась мягкая и скомканная постель. Зеленые застывшие волны расходились далеко. Внизу в котлован сходились несколько нешироких извилистых долин. А небо было здесь таким бескрайним, что от него захватывало дух, и кружилась голова.

– Пить хочется, – сказала Катя. Подняла камешек и, замахнувшись, бросила его вдаль.

Русоволосый мужчина подошел к Коростылеву, сидящему на корточках, и ткнул его в плечо. Коростылев не подняв головы, протянул ему пачку сигарет.

– Ух, ты! Мы не только научились смеяться, но еще и курить? – не удержалась от комментария Катя, посмотрев в зеленые глаза русоволосого. Но тот добродушно ей улыбнулся и подмигнул. Неуклюже, но подмигнул.

– Давай заново, – Сергей в отчаянии рукой разровнял землю, стерев свой рисунок. Поставил палочками отметки частей света. – Вот отсюда мы вышли...

Мужчины следили за каждой стрелкой, которую чертил Сергей. Они окружили схему плотным кольцом и, присев на корточки, склонили головы.

Когда в центр рисунка сверху упал камень, все с испугом отпрянули.

– Ладно, – возвышалась Катя над ними. – Что мне будет, если я вам что-то расскажу?

– Мы тебя не убьем, – пробормотал Сергей, отшвырнув в сторону брошенный ею булыжник.

– Что? – Коростылев вопросительно поднял голову.

– Надо идти обратно. И пойти снова.

– Ай, – отмахнулся Коростылев и снова уставился на схему.

– Дайте-ка мне тоже сигарету, – повелительным тоном потребовала Катя, усевшись потурецки неподалеку.

Русоволосый кинул ей пачку сигарет, с интересом глядя на Катю. За три дня с его взгляда рассасывалась мутная пелена, и он постепенно приобретал живость и любопытство.

Катя прикурила, медленно затянулась и выпустила дым в небо:

– Информация о месте только у меня. Поднесите мне свои дары, и я ее вам открою.

Сергей нехотя оторвался:

– Если ты сейчас не замолчишь, я тебя с горы спущу.

– Перестань, правда, – укорил ее Коростылев. – Не до шуток, в самом-то деле.

Катя, не докурив до половины, затушила сигарету и поднялась. Подняла рюкзак и надела лямки на плечи.

– Какие уж тут шутки, – передернула она плечами. – Я пошла.

Мужчины недоуменно посмотрели на Катю.

– Я тебе сейчас пойду! – прикрикнул на нее Сергей.

– Вот место, слепцы, – добившись полного внимания к себе, Катя показала рукой на скалистую серую гору. – Вон дом.

Серое приземистое здание такого же цвета, что и сама гора, было словно вырезано из камня и издалика казалось природным рисунком склона. Деревца на переднем фоне скрывали очертания домика. Внешние стены со слепыми дырами вместо окон поросли мхом. Выступал дом из горной породы совсем ненамного. Будто узкая пристройка максимум на метр отставленная от отвесного склона горы.

– Стоим, – Коростылев поднялся. – Я сначала один схожу, проверю.

– Не вижу смысла, – отрезала Катя. – Нас из дома прекрасно видно. И если там есть опасность, то она нас уже заметила. И потом, мы что должны сделать в случае чего? Убежать? Но у нас нет сил. Тебя идти выручать? Но у нас нет оружия.

– Есть, – ответил Коростылев и осекся, будто нечаянно выдав то, о чем говорить бы Кате не следовало.

– О да, да! – тут же воскликнула она. – Те два пистолета, что вы неудачно прячете с Сергеем – мощная защита. Шестнадцать пуль и два магазина – это круто! Особенно, если до того дома более пятисот метров, а сила этих пуль не более трехсот пятидесяти.

Русоволосый приоткрыл от удивления рот, а потом его громкий, залиvistый смех сотряс пространство.

– Катя, – устало произнес Коростылев. – Знаешь, более противного характера я еще не встречал.

– С почином вас, батюшка, – Катя распахнула руки, наклонилась до земли и чуть не кувыркнулась вперед головой, потому что рюкзак перевесил и низко накренился со спины в поклоне. Русоволосый вовремя подскочил, придерживая его.

– Спасибо, – признательно кивнула Катя русоволосому. Оправив волосы королевским жестом, продолжила: – Это состояние не моей личности, а следствие тех условий, в которые она попала. В частности – вашей компании. Уж не тебе ли, как академику, это должно быть известно? И твой долг не называть мне диагнозов, а скорректировать мое самочувствие, приблизив его к норме!

– Тьфу, – отмахнулся Коростылев. – С тобой разговаривать – себя не уважать.

– Советую молчать, как твои подопечные. Я немного потеряю от того, если вы все заткнетесь. Кстати, – Катя обернулась к русоволосому. – Можно хотя бы узнать ваши имена? Или я сама их вам придумаю. Поверьте, это будет не самое приятное обращение.

– Ты долго будешь продолжать концертную деятельность в одиночестве? – поинтересовался Сергей. Он был так рад, что они наконец достигли места, которое могли бы и пропустить, если бы не Катя, что его переживания тотчас сменились радостным успокоением от завершеного первого этапа в этом проекте. И мгновенно Катя перестала его раздражать, а только привнесла веселость в синее небо и великолепный вид гористой местности.

– Пока не придет Музыкант и не заберет меня из этого ада пыли, спрессованной земли и неадекватности жизни, – подтвердила Катя. – Поэтому, прячьте свои пистолеты и охраняйте свои тайны, а то я разозлюсь и несдобровать всем! И я все равно узнаю все, что захочу. Нет смысла ничего от меня скрывать. Меня все слышали? И чем больше будет проходить времени, когда нет рядом Музыканта, тем хуже будет мне и моим окружающим. Рекомендую вообще меня не трогать.

Она послала выразительный воздушный поцелуй мужчинам в завершении своей речи и двинулась вперед по направлению к серому скалистому дому. Мужчины смотрели вслед упрямому стройному силуэту, который скрывался за раздутым рюкзаком. Нужно было бы им вскочить и последовать за ней, но появилась уверенность в том, что все хорошо, самое трудное позади и ничего плохого, во всяком случае, в ближайшее время, их не ожидает.

– Где фляжка? – спросил Коростылев, роясь в своем рюкзаке. Русоволосый, смеясь, махнул в сторону Кати. Сергей поднялся и приложил ладонь ко лбу козырьком, защищая глаза от заходящего солнца. Тропинка спускалась до небольшого луга, а затем поднималась еле заметной ниткой к дому. Катя обернулась и, заметив фигуру Сергея на холме, торжествующе подняла руки вверх – с двумя пистолетами в них.

– От, черт, – пробормотал Сергей. – Пистолеты у нее. Пошли. Я не знаю, как с ней справиться.

Русоволосый, услышав, тут же схватил свой рюкзак и поспешил за Катей.

– Никак, – ответил Коростылев. – Вколю ей снотворного и оставлю, придавив камнями.

– Даже не думай, – пригрозил Сергей. – Я быстро с тобой разделаюсь и плевать я хотел на все ваши планы. У тебя вон подчиненный сбежал. Я подозреваю, что Катю они будут слушаться больше, чем тебя с твоими таблетками.

* * *

Несмотря на кажущуюся издалека приземистость, вблизи серый каменный дом выглядел вполне приличным и достаточно прочным. Дом только с виду представлялся небольшим, потому что все его внутреннее пространство располагалось в самой горе, будто кто-то вырыл пещеру и укрепил ее стенами и перегородками, сложенными из камней.

– Где вода?! – вскричала Катя, бродя по бесчисленному множеству темных комнат, которые не имели окон, поскольку дом уходил глубоко в гору. – Где свет? Господи, почему бы тебе сразу не вернуть меня в каменный век? Я умру здесь...

Она заплакала, закрыв руками лицо и опустившись на корточки в передней части коридора. Так горько, что всем стало тревожно: она несколько дней несла на своих плечах огромный рюкзак, тяжелый и для здорового мужчины. Следила за водой, ворча, готовила еду и делила ее на дни и количество человек. В последнюю ночь укротила нечаянную простуду Сергея, никого не разбудив и не потревожив. И все ее недовольства имели только одну причину – отсутствие Музыканта.

Коростылев растерянно топтался около нее. Подошел Сергей и присел рядом. Русоволосый опустился на колени возле Кати и взял ее руки в свои, неловко потирая их и поглаживая. Уголки его тонких губ сочувственно опустились вниз.

– Миш... – звала она Музыканта, всхлипывая. Выдернула руки и вновь прижала их к лицу. – Миш... Миш!

Мужчины окружили ее и, не зная, чем помочь, некоторое время угрюмо слушали ее рыдания.

– Я найду воду, – сказал Сергей. – Я принесу и нагрее столько, что ты сможешь мыться каждый час. Не плачь, пожалуйста. Ты устала. Сейчас устроим кровати, и ты уснешь. А утром... Утром обязательно будет все хорошо.

Катины всхлипывания стали чуть реже.

– Я хочу чаю, – она отняла ладони от лица, и ее опухшие от слез глаза с обреченностью проникли в самое сердце сидящих около нее мужчин. Коростылев, Сергей и русоволосый ринулись из дома: осмотреть территорию, найти место для костра, узнать, есть ли поблизости вода – все, что угодно, лишь бы Катин плач прекратился.

– Катя, – шепнул Коростылев, уходя. – Двое на тебе.

Она кивнула, прерывисто вздохнув. Оставшиеся мужчины сидели рядом, примостившись у стены. Один гладил Катю по коленке, выражая сочувствие, второй – стиснул ее пальцы в знак понимания.

Катя, успокоившись, чиркала зажигалкой и откровенно рассматривала их. Оба высокого роста, как на подбор. У сидящего слева – густая шевелюра светло-пепельного цвета. Волосы мягко спадали ему на лицо, и он часто окидывал их назад привычным жестом. Чуть узковатое, с правильными чертами, лицо. Ресницы длинные, глаза серые, брови прямые. В его внешности сквозила природная холеность и неуловимая породистость.

Второй – почти полная противоположность «аристократу». Темный, с классической мужской короткой стрижкой. Пухлые, растрескавшиеся губы, карие глаза, наивное, немного детское выражение лица. Если во взгляде «аристократа» проглядывало презрение, будто он смотрел свысока, то взгляд этого мужчины казался на редкость заботливым и участливым.

Коростылева, Сергея и русоволосого не было слышно.

– Встаем, – скомандовала Катя мужчинам, которые тут же вскочили на ноги. Кате показалось, что они не совсем поняли ее слова. Они слишком внимательно смотрели на нее, на ее губы. Так глухие, бывает, читают по губам. – За мной.

– Сереж! – изо всех сил крикнула она, выйдя на улицу. – Мы пошли искать воду!

– Здесь должен быть колодец, – донесся спокойный голос Сергея откуда-то сверху. – Где-то рядом. На запад идите. Не кричи. И поменьше создавай шума.

– На запад... – остановилась Катя, задрав голову и посмотрев на звездное небо. – Я, конечно, разве против, но где он?

«Аристократ» легонько развернул ее за плечи вполоборота и показал рукой прямо.

– Там запад? – уточнила Катя. – Пошли. Нет, стоим. Надо взять пару бутылок с собой сразу. И фонарик.

Найденный в ста метрах от дома колодец был прикрыт круглым щитом из сколоченных досок, почерневших от времени. Сверху щит удерживался двумя большими камнями. Когда мужчины сняли камни и сдвинули деревянный круг, под ним на крюке обнаружилось жестяное ведро на проржавевшей цепи.

– Какой глубокий, – нагнулась Катя, посмотрев вниз. Посветила фонариком: – Ничего не видно. А вода-то там вообще есть?

«Аристократ» бросил камешек. Что-то плеснуло глубоко.

– Вода есть, – обрадовалась Катя. – Хоть на этом спасибо. Тогда надо в доме поискать ведро или канистры. В чем носить-то? Так... Мне с вами туда-сюда ходить, что ли?

* * *

– Надо же. Тут, оказывается, все предусмотрено для первобытного существования, – приговаривала Катя, обследуя дом, и находя то кухонную утварь, то ведра, то свечи, то другие, необходимые в быту предметы. Потянуло дымом, и Катя, встревожившись, поспешила на запах. В одной из комнат обнаружилось подобие железной печки, возле которой колдовал Коростылев.

– Костры на улице не разводить.

– Почему это? – удивилась Катя.

– Потому это, – передразнил ее Коростылев. – Труба от этой печки выходит особенным способом. Она сконструирована так, чтобы дым снаружи рассеивался и не был замечен. В темное время суток не светить фонарями на улице, не разжигать огня и на террасе, где есть три окна – не зажигать свет.

– Терраса? Окна? Да это дыры в каменной стене! – возмутилась Катя, которой совсем не понравилось будущее затворничество со строгими правилами поведения. – Только в первом помещении окна и есть. Все остальное – просто пещера.

– В общем, мы не должны ничем выдавать своего присутствия здесь. Днем ходить в специальной одежде.

– В какой?!

– Там, – мотнул головой Коростылев, раздувая огонь. – Есть рубашки, брюки, ветровки пятнистого серо-зеленого цвета.

– Что, как звери ходить будем? Сливаться с землей и горами?

Вошел Сергей, держа в руках чугунный чайник, керосинку и несколько жестяных кружек:

– Соблюдаем меры предосторожности. Чтобы случайно летящий мимо вертолет не сбросил ракету, приняв нас за диверсантов. Поняла? Дом огромный, по нему и ходи, безопаснее будет.

– Это не дом, а окоп, – вздохнула Катя. – Точнее, не окоп, а лабиринт в горе. В скале. Это оскал! А где ты будешь собирать эту установку? На улице?

– В подвале.

– А тут еще и подвал есть?! – поразились она. Весь дом состоял из каменных отсеков, отдаленно напоминающих комнаты без дверей, и был настолько большим, что Катя поначалу остерегалась заблудиться. Некоторые помещения оказались проходными, имели по два и более выходов. Квадратные, прямоугольные, узкие, широкие, огромные, высокие, низкие коридоры и отсеки уходили непосредственно вглубь горы. – А если землетрясение? Завалит нас. А где подвал? Я хочу посмотреть. А можно мне нацарапать на стенах номера комнат, чтобы я не потерялась?

* * *

Места в доме оказалось более, чем достаточно. Из досок, найденных в подвале, на скорую руку сбили настилы и расположили их в разных отсеках-закутках, которые исполняли роль комнат. Быстро устроились на ночь без ужина, поскольку слишком устали от долгого похода.

Сергей вышел на террасу, и сел в проеме двери, на высоком порошке, вытянув ноги и привалившись спиной к косяку. Услышав Катини шаги из коридора, не оглянувшись.

– Не спится? – спросила Катя, присаживаясь рядом.

– Нет.

– И мне. Сотовой связи давно нет, и батарейка сегодня сядет. Даже позвонить не получится. И нам никто не позвонит. Знаешь, – вспомнила Катя. – Когда мы с Коростылевым поки-

дали город, то я заметила людей в черном. Коростылев их назвал «галчатами», и объяснил, что они, нечто, вроде внутренней безопасности.

– И что? – равнодушно спросил Сергей, думая о чем-то своем.

– Мы через Казахстан пробирались. И там мелькали эти «птицы».

– И что?

– Кто они? Зачем?

– А эти трое с Коростылевым – кто? Зачем? – насмешливо спросил Сергей, копируя обеспокоенный тон Кати.

– Не знаю, – развела она руками. – Ты заметил, какие у них мускулистые фигуры? Как у бандитов-качков. Или телохранителей.

– Может, они как раз нам и даны для охраны? – предположил Сергей.

– Но... Да нет, – не согласилась Катя. – Они очень странные. Молчат. И взгляды у них постепенно просыпаются. Почему у Соломона все так не по-человечески?

– Не знаю, Катя. Не доверяет он никому. Да, комбинации у него – нам вовек не разгадать.

– Давно ты с ним?

– Давно. Лет в восемнадцать я с ним познакомился. Он стал мне отцом, которого у меня не было. Работодателем... Защитником. Раздражителем. Братом. Кумиром, в котором я постоянно разочаровывался, но всегда к нему возвращался. Интересно мне с ним. Вряд ли я смогу вернуться к обычной жизни. Она слишком пресна для меня. А вы?

– Что мы?

– Как вы с ним стали работать?

– Ну, – Катя замялась. – Честно говоря, я и сама не понимаю. Если очень кратко, то у нас оказалась крупная сумма денег, которая принадлежала Соломону. Мы в Москве на нее открыли свой бизнес. А потом пришел он и попросил вернуть долг. Но он не требовал денег. Мне кажется, что деньги стали лишь спланированной наживкой. Он студию попросил организовать заново. После пожара в городе, помнишь?

– Нет, я находился в то время в Испании.

– Платил хорошо, – продолжила Катя. – В Москве у нас тоже все было налажено. Поскольку мы ничем не были связаны, мы приехали в Таркабулак. Студию подняли, дальше ты знаешь...

– Ага, – кивнул Сергей.

– А как ты будешь собирать установку? Из чего?

– Не знаю, – Сергей негромко рассмеялся. – Наверное, что-то должно появиться. Самое главное, мы нашли это место, и здесь все достаточно обустроено для проживания.

– Почему именно здесь?

– Как я думаю... Во-первых, здесь никого нет. Во-вторых, эта установка не первая. Есть и в Испании, и в Китае, и в Таркабулаке, а может, и еще где. Какая-то выверенная схема по особым климатическим условиям или энергетическим зонам. А установки – нужные точки-передатчики.

– И правда, все это даст огромное количество электроэнергии?

– Думаю, да. Я никогда не замечал, чтобы Соломон совершал ошибки в своих экспериментах.

– Зачем ему это надо? У него куча денег, связей. Жил бы себе спокойно.

– Интересно ему это, – предположил Сергей. – Меня несколько напрягает только, что все это опасно. И мы подвергаемся опасности и люди, окружающие нас. Ты, я прошу тебя, будь аккуратней. Даже с Коростылевым. И с этими «телохранителями».

– Да они сами от кого-то прячутся! – возразила Катя.

– Не наше это дело, короче, – Сергей хлопнул себя по коленкам и поднялся с порожка.

– А наше – какое? – Катя посмотрела на него снизу вверх.

– Спать.

* * *

– Мне кажется, на меня постоянно кто-то смотрит или следит за мной, – сказала Катя за ужином. Мужчины, уставшие за день от многочисленных работ по обустройству быта, молча поглощали ставшую привычной рисовую кашу с тушенкой. В огромном подвале, таком же огромном каменном лабиринте, как и сам дом, обнаружилось полмешка отсыревшего риса и несколько помятых банок с консервами.

Кроме того, в отсеках подвала обнаружились инструменты, доски, походная посуда, вещи, сшитые из грубого материала защитного цвета, стопка ватных одеял, сундуки со старыми книгами, керосиновые лампы, бутылки с керосином, несколько коробок со свечками – в общем, самое необходимое было. Катя считала, что этот «пещерный» дом служил кому-то перевалочным пунктом или тайным штабом. Вот только почему он был таким большим, Катя недоумевала – здесь могла бы преспокойно существовать целая рота солдат при необходимости.

– Кто на тебя смотрит? – рассеянно переспросил Сергей.

– Не знаю. Я чувствую на себе чьи-то взгляды.

– Духи, наверное.

– Надоел этот рис! Когда же это закончится?

– В блокаду ты не жила. Радуйся хоть этому, – добродушно посоветовал Коростылев, с аппетитом доедая свою порцию.

– Будто ты жил. Я сейчас не об этом. На улице, говорю вам, я словно все время нахожусь под прицелом!

– Ты говоришь глупости, – ответил Коростылев, покосившись на русоволосого мужчину, который с тревогой замер. – Чай пить будем? Я травы подсушил.

– Почему вы меня не воспринимаете всерьез? – с негодованием спросила Катя, но ей никто не ответил.

– Сейчас заварю, – будто не слыша Катиных слов, поднялся Коростылев к печке, поверхность которой раскалялась, если внутри горели дрова, и она становилась вполне приемлемой для приготовления пищи и кипячения воды.

Сергей отошел в угол, где на плоских камнях лежало несколько одеял. Самодельная лежанка не располагала удобством, однако, редко пустовала в вечерние часы. В этом помещении, называемом кухней, было светло от керосиновых ламп и тепло от печки. Сергей открыл блокнот и углубился в расчеты и схемы, которые восстанавливал по памяти. Свои записи он никому не показывал и просиживал над ними часы напролет. После чего, когда за полночь, когда под утро, уходил спать.

Кровати в доме были низкими. Собственно, в качестве кроватей использовались сколоченные настилы из досок, на которых лежали одеяла. К кухне прилегали несколько комнат. И каменные стены от печки нагревались за вечер, отдавая ночью тепло. Поэтому под спальни приспособили именно эти помещения. В остальных комнатных отсеках, удаленных от кухни, было прохладно и сыро. Прошла неделя пребывания в доме. Катя понимала, что они чего-то ждут... Чего – то такого, что позволило бы им начать действовать. Но пока ничего не происходило.

В спину Кати что-то легонько ударилось. Она подобрала бумажный самолетик, сделанный Сергеем. Увидев нарисованную карандашом стрелку, Катя вышла и развернула листок.

«Осторожнее разговаривай. Не при этих», – было написано внутри. Сергей остерегался мужчин, которые оказались с ними под одной крышей. Он целыми днями возился в подвале, чертя в блокноте свои бесконечные схемы. На троих по-прежнему неразговорчивых мужчин, внешне он не обращал никакого внимания. Относился к ним с опаской, особенно после того,

когда Коростылев обронил: «Их нужно здесь укрыть». От кого укрыть, что это за люди, академик не объяснял. Сергея раздражала неопределенность, поэтому он перестал о чем-либо спрашивать Коростылева. К тому же Сергей переживал из-за того, что не появлялось никакой информации. Впрочем, как получить информацию, не имея телефонной связи – Сергей тоже не представлял. Эта вынужденная изоляция в «пещерном» доме на всех действовала крайне негативно.

– А кто за мной смотрит? – спросила Катя Сергея, когда они остались одни на пороге дома. Она мыла посуду на улице.

– Никто за тобой не смотрит! – захлопнул Сергей свой блокнот.

– Смотрит. Когда я уйду от дома подальше, я со всех сторон чувствую напряженные взгляды.

– А кто тебе вообще разрешает уходить от дома? Дальность твоего пути должна ограничиваться колодцем за углом и туалетом. Все!

– Коростылев же гуляет! – возмущенно прошептала Катя. – Ходит, все травки собирает какие-то.

– Лучше бы я один сюда пришел. Что тебе не сидится в доме? Не высывайся без надобности!

– Я осторожно. Я не могу в этих камнях сидеть – мне скучно.

– Это опасно!

– Ну и что? – горестно сказала она, сложив вымытую посуду в котелок. – А мне наплевать. Музыканта нет, и мне теперь на все наплевать. Долго мы еще здесь торчать будем?

– Когда соберу установку и запущу.

– Из воздуха? – уточнила Катя, присаживаясь на порожек. – Или из камешков?

– Мне должны поставить комплектующие.

– Как?

– Не знаю. Пошли спать, – вздохнул Сергей.

– Не пойду, – разозлилась Катя. – Надоело мне! Завтра соберусь и уйду отсюда. Меня совсем не интересует эта энергетическая установка! Я в нее не верю, и я не приспособлена околачиваться в горах! Коростылев молчит! Эти ходят и зыркают!

– Я тебе уйду!!! – зашипел Сергей.

– А что ты мне сделаешь?

– Свяжу. Марш спать! Это ты виновата, что заболела не вовремя. Сидела бы сейчас в Китае со своим Музыкантом!!!

– Да пошел ты, – еле слышно проговорила она.

Сергей махнул рукой и ушел в дом.

Глава 2

Наутро Сергея разбудил встревоженный Коростылев:

– Нет ее нигде!

«Надо было ее связать вчера, – пронеслось у Сергея в голове, пока он спешно натягивал ветровку и штаны. – Неужели ушла?»

Он остановился на пороге и всматривался вдаль: зеленые склоны гор, скопления серых валунов у подножий, заросшие деревьями перевалы, извилистые долины, луга. От дома вела узкая тропинка вниз, пролегающая по крутому обрывистому склону. Сергей вернулся в дом, взял пистолет и стал спускаться. От земли, которую освещали утренние лучи восходящего солнца, клубился еле заметный пар.

Коростылев в третий раз обошел подвал и дом. Ненадолго остановился в комнате, которую занимала Катя. Джинсы, пара футболок, свитер и другая немногочисленная одежда была аккуратно сложена на перевернутом вверх дном деревянном ящике. Настил накрыт одеялом, по-армейски, без единой складки.

«Не насовсем. Иначе забрала бы вещи и не надевала защитную форму», – подумал он. В проеме неслышно возник русоволосый. Он внимательно наблюдал за Коростылевым.

– Катя пропала, – обернулся к нему Коростылев. – Собирай остальных, пойдем искать.

Русоволосый, кивнув, мгновенно удалился в сторону кухни.

Через пять минут, торопясь, по тропинке спустились остальные мужчины. Увидев слева Сергея, который скорым шагом продвигался по каменистой гряде вперед, время от времени останавливаясь и присматриваясь к низким холмам вдалеке, Коростылев махнул в противоположную сторону:

– Туда пройдемся...

* * *

– Катя!!! – послышался грудной, глухой и неуверенный возглас. Она обернулась на незнакомый крик. На вершине пологого холма стоял русоволосый и смотрел на нее. Катя остановилась.

– Больная! – подбежав, крикнул Сергей и тут же повалил ее в траву, потому что сверху послышался неясный стрекочущий гул.

– Что это? – прошептала Катя, приподняв голову.

– Вертолет, – быстро проговорил Сергей. – Лежи, не двигайся.

В небе показался вертолет, который пролетел достаточно низко, замер в трехстах метрах. Кате было хорошо видно, как с него на цепях спускается прямоугольный контейнер. Когда контейнер оказался на земле, цепи, словно обрубленные, упали вниз, и вертолет, поднимаясь, начал удаляться.

– Я больше не могу так, – пробормотала Катя, уткнувшись в плечо Сергея. – Я не могу без него. Мне плохо.

– Интересно, что там, – Сергей задумчиво смотрел в сторону контейнера.

– Я заживо умираю, – прерывисто вздохнула Катя.

Сергей, прислушавшись, оглядел небо. Приподнявшись, сел и отряхнул куртку от пыли.

– Улетел. Еще подождем несколько минут и пойдем, посмотрим. Или до темноты подождать?

– До темноты лучше. Все равно недолго осталось, – согласилась Катя. – Ты слышал, как закричал этот? Русоволосый?

– Слышал. Словно первое слово вырвалось, – Сергей помолчал немного. Катя не вставала, только повернула голову набок, посматривая то на Сергея, то на загадочный контейнер. Волосы ее, растрепавшись, лежали на земле. В них застряли несколько высохших от солнца, соломенных травинок. Сергей задумчиво потянулся рукой и вытащил их.

– Как будто это уже было.

– Что? – удивилась она.

– Травинки в твоих волосах.

Катя что-то вспомнила, и на ее губах тут же заиграла смущенная улыбка:

– Было... Мы с Музыкантом. Это бывает так, когда кажется, что что-то было.

– Да нет, не кажется. Как вспышка. Ты была в джинсах и светлой майке или футболке.

Ночью.

– Ну, – растерялась она. – Вообще-то, да. Странно.

– Ага, – кивнул Сергей.

Катя отвернула голову на другой бок. Нечаянное воспоминание о Музыканте вновь прокралось в сердце грустью.

– А ты, – начал Сергей.

– Что? – глухо и безучастно спросила она.

– Ты представь, что он умер. Или, что он ушел к женщине. Другую полюбил. Или спился.

Легче будет.

Катя медленно повернула голову, и глаза ее расширились то ли от ужаса, то ли от испуга.

– Не помогает! – отрезала она. – Ничего не помогает. Сколько по времени мы будем здесь еще?

– Не знаю...

– А потом? – безнадежно вздохнула она.

– Не знаю...

– Музыкант должен был вернуться из Китая через два дня! Что же произошло?

– Не знаю...

– Заткнись?

– Хорошо. Как скажешь.

– А ты тоже представил, что она умерла?

– Вроде того, – Сергей опустил взгляд.

– Полегчало?

– Нет.

– Вот видишь... – не удержалась от небольшого злорадства Катя.

– Я представил, что умер я, – добавил Сергей. – И стал немного привыкать к этому.

– У тебя богатое воображение.

– Почему Коростылев не идет? – Сергей взглянул на холм, с вершины которого кричал русоволосый.

– Тоже, наверное, от вертолета попрятались.

– Он улетел. Они должны были спуститься.

– Может, они тоже представили, что мы умерли? – предположила Катя.

– Сумничала?

– Подумала. Если они также упали на землю, то не успели заметить, что вертолет выгрузил этот контейнер, и, скорее всего, отползли назад. Они видели, что ты меня нашел, и пошли, наверное, домой.

– А у тебя тоже ума много. Зачем ты ушла? Целый день рыскали, как идиоты, по горам. Как будто нам заняться нечем.

– Вас никто не просил за мной бегать. Мне одной надо было побыть. Отстань.

– Ты прекращай свои выходки.

– Ладно, – Катя поднялась с земли. – Пошли?
– Пошли. Только тихо.
– Да хватит, – рассмеялась Катя. – Если в этом контейнере бомба? Или отряд десантников?

Сергей отмахнулся и стал продвигаться вперед.

– Сереж! Мне все равно кажется, что на меня кто-то смотрит. Со всех сторон! Как будто я в окружении!

– Это у тебя мозги разбежались во все стороны. Вот они и смотрят на тебя.

– Интересно, как эта махина в вертолете уместилась? И что там?

– Сейчас узнаем, – Сергей подошел ближе, осматривая металлические скобы на углах контейнера. Нажав на рычаг, одна поддалась и шелкнула. Цепь, звякнув, упала на землю.

– Аккуратнее! – отскочила Катя, когда одна из стенок стала падать прямо на нее.

– Отойди!

В контейнере ровными рядами стояли ящики, замотанные черным плотным полиэтиленом и обвязанные широким скотчем крест-накрест.

– Ого, да тут целая куча черных ящиков. Не иначе, как чрезвычайно ценные вещи.

– Так... – Сергей достал из кармана складной ножик и вскрыл упаковку с одного ящика. Поддев деревянную крышку, заглянул внутрь. – Наконец-то. Это нам, Катя.

Катя с недоумением посмотрела на видневшиеся катушки с медной проволокой:

– Да? А что же возле дома не спустили? Если бы вы меня не искали, разве мы нашли бы этот контейнер? Его бы кто-нибудь другой нашел.

– Ты думала, Коростылев травку собирает на холмах утром, днем и вечером? – усмехнулся Сергей.

– Нет? Ждал? Искал?

– Надо подумать, как это все транспортировать к дому. Иди за всеми, а я тут покараулю.

– За раз не унесем, – с сомнением проговорила Катя.

– Несколько раз придется. Там тележка была в доме. Ты не заблудишься?

– Не должна, – Катя оглянулась назад. – По этой долине до ручья, а там с холма видно будет дом. Так?

– Так, – подтвердил Сергей. – Темнеет быстро. Дойдешь ли?

Он вытащил из кармана фонарик с динамо приводом, и несколько раз сжал рычажок ручки. Одновременно с жужжанием появился бледно-синий луч.

– Не пойду я с таким звуковым эффектом, страшно, – заупрямилась Катя. – Я так.

– На всякий случай возьми, – настаивал Сергей.

– А ты?

– А я тут буду! Давай поменьше разглагольствовать, время идет.

– Сереж? А не легче ее найти и объяснить? Вдруг она так же мучается и тоскует по тебе? И думает, что ты ее бросил?

– Не легче. Не мучается она. Займись делом!

– А как у тебя получается о ней не думать?

– Просто. Я думаю о чем-нибудь другом. Сильно.

– О чем?

– О тебе, например.

– А мне как это сделать?

– Просто вставай, просто умывайся и все время что-то делай. Понемногу привыкнешь. Выматывай себя любой деятельностью, она здорово снимает напряжение в голове. Иди!

– Дай пистолет?

– Нет.

– А как мне защищаться, если на меня нападут?

– Этот контейнер гораздо ценнее, чем ты. Поэтому, если нападут на тебя, потери будут меньше, чем, если нападут на меня и уволочут это добро. Поняла?

– Я не пойду никуда! Я этих боюсь.

– Кого?!

– Тех, кто за мной следит.

– Никто не следит за тобой! Это кажется тебе! От безделья! Днем не страшно было одной шляться? Вот и иди! Видишь, не идет Коростылев!

– А давай я тут посторожу с пистолетом, а ты сходишь?

– Мы до утра будем препираться? – не выдержав, взорвался Сергей.

– Никакого в тебе сочувствия нет. Изверг, – проворчала Катя и, бросив ему фонарик под ноги, направилась в сторону ручья. – Не поминай лихом.

* * *

Пока Катя спешила по долине, страх еще не овладел ей полностью, потому что где-то там, позади нее оставался Сергей. Катя надеялась, что, в случае чего, она просто помчится обратно. Но впереди нужно было свернуть и взобраться на пологий холм.

Она старалась идти неслышно, мягко ступая по траве. Но по мере того, как темнело небо, звук ее шагов, хруст сухих веток под ногами, шелест ветра в листве деревьев – все начинало казаться Кате неестественно громким и посторонним. Наступив на комок земли, который раздавился подошвой, она еле удержалась от крика. Было ощущение, что под обувью оказалось что-то мягкое и живое. Катя остановилась отдышаться, тщетно уговаривая себя успокоиться.

Оглядевшись и прислушавшись, она убедилась, что никого поблизости нет, и стала взбираться на холм, цепляясь руками за твердые стебли ползучих многолетников.

Оказавшись на вершине, Катя замерла: впереди абсолютно ничего не было видно. Крошечная тьма: ни спуска, ни тропинки, ни гор, ни дома. «Ночь пришла не вовремя. Может, назад? За фонариком?» – сообразив, что дорогу назад она тоже не сможет найти, так как в темноте ориентация в пространстве значительно искажалась, Катя все-таки пошла вперед. Почти наощупь. По памяти восстановила дорогу обратно, прикинула в уме маршрут в метрах. И направилась дальше, широко шагая, стараясь, чтобы шаг равнялся метру. Через каждую сотню, загибала пальцы, боясь сбиться со счета от страха, нагоняемого своим же шорохом.

Ее глаза смотрели вниз, ничего не видя. Катя была близка к отчаянию, потому что предполагаемой дорожки к дому она еще не нашла и, похоже, сбилась с пути.

Но вдруг под ногами что-то показалось. Присмотревшись на слабое пятнышко, аналогичное послесвечению при закрытых веках, Катя замерла. Еле заметное пятнышко сдвинулось влево и вернулось к ногам. Оно, будто показало, куда нужно идти. Катя неуверенно сделала шаг влево. Пятно продвинулось еще дальше. Затаив дыхание, Катя неторопливо и бесшумно передвигалась за ним. Страх в ее душе перешел все мыслимые границы и, на удивление, резко перестал беспокоить, словно лопнул.

Наткнувшись на знакомую выбоину, Катя нагнулась и рукой ощупала росший рядом кустарник. Сомнений не осталось – она дошла до тропки, которая поднималась вверх и вела к дому. Катя облегченно вздохнула и присмотрелась: пятнышка не было.

«Хм... мне не могло померещиться?» – размышляла она, поднимаясь по дорожке.

– Коростылев!

– Что ты кричишь? – голос Коростылева внезапно раздался рядом с ней, заставив Катю вскрикнуть от неожиданности.

– Ой! Ты что здесь стоишь?

– Потерял своего бойца, – убитым тоном сообщил Коростылев.

– Жаль, рабочая сила сейчас очень нужна, – посетовала Катя. – Там, в долине, где нашел меня Сергей, вертолет пролетал.

– Это мы видели.

– Он контейнер сбросил. Надо перетаскивать сюда. Сергей сказал, что это нам.

– И что? Сейчас ни зги не видно. Утром бы и перетащили. Где он?

– Остался его охранять. Коростылев! Мы не можем оставить Сергея ночью одного! – воскликнула Катя.

На пороге появился русоволосый с фонариком в руке. Увидев Катин обескураженный взгляд, он подтолкнул Коростылева, кивая на тропинку, ведущую вниз со склона.

– Пойдем, коли так. Ты, Катерина, оставайся тут, – сказал Коростылев и призывно махнул рукой второму мужчине с короткой стрижкой темных волос. Тот с полным ведром шел от колодца к дому.

– Там за один присест не унесете, – ответила Катя, оставшаяся весьма довольной от того, что ей не нужно будет идти назад. – Тележку надо. Или носилки.

* * *

«Поесть бы. Интересно, Коростылев что-то оставил?» – Катя, встав, прошла в дом. Но на плите находился только котелок с еще горячим чаем. Чайник, который нашел Сергей, она недавно утопила в колодце, наливая в него воду из ведра. Катя зачерпнула кружкой. – Опять своей травой поназаваривал! Как же хочется нормального, сладкого черного чая! И горячего душа. Чувствую, когда это закончится, и я вернусь, то счастьем моему не будет предела. Может, ополоснуться, пока они не пришли?»

Катя тронула огромный чугунный чан с водой, который стоял на кухне. Воды в нем было ведра четыре на дне, и к тому же, еле теплой. Сняв штаны и ветровку, Катя надела шорты. Налив теплой воды в ведро, вышла на улицу. Затем вернулась и забрала кружку травяного напитка.

Ополоснула лицо, вымыла ноги, и, не вытирая их, присела на пороге, взяв кружку в руки. Темнота была ослепляющей и оглушающей. Катя достала из кармана коробок спичек и половинку свечи. Чиркнув о коробок, подожгла фитиль.

«Надо бы, наверное, приготовить поесть, – с неприязнью подумала Катя об остатках риса и последних двух банках тушенки. Это блюдо, не меняющееся несколько дней, вызывало у Кати стойкое отвращение к еде. Допив остывший чай, она сокрушенно вздохнула: – И что мы будем есть послезавтра? А потом?»

Решив выпить еще кружку чая, который при мысли о рисе, показался сейчас довольно приятным напитком, Катя вновь отправилась на кухню. Травяной чай наполнял желудок теплом и хоть каким-нибудь объемом и вкусом, благодаря тому, что Коростылев смешивал разные травы.

Вернувшись, она хотела вновь устроиться на пороге каменного дома, но в воздухе появилось почти неуловимое напряжение. Катя задула огонек свечки и, осторожно переступая с носка на пятку, чтобы не шуметь, пошла в сторону. Неясный звук становился слышнее.

– Кто здесь? – непослушными от страха губами произнесла Катя.

– Я, – глухо раздалось в ответ, заставив ее отпрянуть. Этот голос она слышала впервые. Бархатный, хриплый. – Никита. Не бойся.

– Заговорил?! – страх Кати мгновенно улетучился, потесненный диким любопытством. Она, вытянув руки, дошла до мужчины. Коснувшись его, присела рядом. – Ты плачешь.

Мужчина не ответил. Катя притронулась тыльной стороной ладони к лицу «аристократа». Щека Никиты была мокрой.

– Зачем ты ушел? Коростылев переживал сильно.

– А ты?

– Я? – переспросила Катя. – Захотела одна побыть. Иногда эмоции бывают такие сильные, что хочется от них убежать.

Никита промолчал.

– Пойдем домой? – вяло предложила Катя. Как она и ожидала, Никита только повел плечом. – Принести тебе чай?

Он кивнул.

– Скажи: «да», – попросила она. Ей захотелось еще раз услышать невероятно приятный баритон Никиты. К тому же, Катя, почему-то обрадовалась, что Никита заговорил.

– Да, – безропотно раздался его голос. Почти без усилий вырвалось слово. И он повторил увереннее: – Да.

– Сейчас! – улыбнулась Катя.

* * *

У порога стало слышно, как кто-то поднимается по тропинке к дому. Вскоре показался русоволосый и второй мужчина. Они несли на носилках ящики. Следом шли Сергей и Коростылев, неся по паре ящиков в руках.

– Не появился? – бросил Кате Коростылев, проходя мимо.

– Он здесь, все в порядке.

– Слава богу...

– Еще пойдете? – обеспокоенно поинтересовалась Катя, глядя на их утомленные выражения лица.

– Ага, – подтвердил Сергей, с жадностью глотая чай.

– А что там, ты смотрел? В ящиках?

– Не трогай ничего. Еда тоже есть, – ответил он, зачерпывая кружкой из котелка. – Я приду, сам разберу.

– Рис и тушенка? – упавшим голосом спросила Катя.

– Не только, – подавил улыбку Коростылев, и, посмотрев на остальных, кивнул: – Пошли?

– И не дали ящики, где еда, – спохватилась Катя, когда мужчины ушли. С угла террасы в подвал вела крутая лестница. Подвал только назывался подвалом, потому что находился на уровень ниже, чем основные комнаты в доме. Центральное помещение с невысоким потолком было огромным, длиной больше ста метров. Далее подвал разветвлялся на всевозможные тупики, которые оканчивались земляной стеной или грудой камней. Не удержавшись, Катя спустилась к стоящим у лестницы ящикам. Она отогнула крышку одного ящика, второго – приборы, крепления, струны, рычаги, мотки проводов, транзисторы, микросхемы, платы, блоки чипов – все было аккуратно упаковано и промаркировано.

«Скорей бы Сергей собрал эту установку, и мы ушли отсюда», – мысленно пожелала Катя и поторопилась вверх.

* * *

– Никита! – шепотом позвала она.

– Я здесь.

Катя протянула ему жестяную кружку.

– Пойдем домой, – вновь позвала она его. – Там нет никого. Они ушли за ящиками, который сбросил вертолет.

– Сейчас пойдем, – отозвался Никита, задумавшись о чем-то.

– А остальных как зовут?

– Степан – это тот, зеленоглазый, русский, который смеется над тобой. Второго – темненького, губастого, не знаю, по-моему, Сашей.

– Вы разве не знакомы? – удивилась Катя, вертя в руках спичечный коробок. Потом достала спичку и зажгла, смотрела на появившийся огонь, светом вырвавшийся из темноты очертания лица Никиты, его пепельные волосы, темные, ровные брови и черные, густые ресницы.

– Нет.

– А я спрашивала у Коростылева, кто вы, и как вас зовут, а он: «отстань»

– Чует собака, чье мясо съела...

– Что?

– Ничего.

– Почему вы молчали?

– Я говорить не мог, – ответил Никита. Катя выбросила сгоревшую спичку и зажгла следующую. – Рот откроешь, а вместо слов – нечленораздельный вой.

– Ой! – вспомнила она. – Степан тоже сегодня сказал! Мое имя выкрикнул! Почему ты говорить не мог?

– Не знаю. У меня и сейчас такое состояние, как будто я только просыпаюсь, рождаюсь или выхожу из комы. Или отхожу от наркоза.

– Ничего не понятно.

– Мне тоже.

– А кто вы? – затаив дыхание, проговорила Катя. Этот вопрос давно не давал ей покоя. Но Никита, поморщившись, нахмурился.

И грубо ответил:

– Не лезь.

– Ммм, – обиженно протянула она. Очередная сгоревшая спичка выпала из ее пальцев. Катя чиркнула снова, пристально глядя в бледно-серые глаза Никиты.

– Хватит жечь, – резко задул он маленькое пламя и выдернул коробок из ее рук. – Знаешь, что нельзя светить на улице.

– Вы боитесь неизвестно чего, – Катя презрительно поджала губы. – Нагоняете сами на себя и меня страх. А ничего тут и не случится. Все тихо! Нужны мы кому-то. Прямо сейчас налетят самолеты, прибегут военные и схватят всех!

Никита поднялся, не считая нужным отвечать ей. Подбросив коробок в воздухе, ловко поймал его той же рукой.

– Лучше помог бы всем. Они таскают такие тяжелые ящики. Им всю ночь ходить.

В ответ из-за широкой спины вылетел спичечный коробок, попав ей в лоб.

* * *

К рассвету все ящики были в подвале. До смерти уставший Сергей продолжал их вскрывать и раскладывать содержимое по какому-то, понятному лишь ему одному, порядку. Катя ходила за ним тенью и также тщательно осматривала содержимое ящиков.

– Что ты ищешь? – Сергей остановился и поднял руки вверх, вытянув их. Затем немного прогнул спину и вернулся к разбору.

– С чего ты взял, что я что-то ищу? – буркнула Катя. – Мне просто интересно.

– Неправда.

– А ты всегда и всем говоришь правду? – Катя быстро взглянула в его темные глаза, которые смотрели на нее. Сергей выразительно вздохнул и подошел с ножом к следующему ящику.

– И не надо так вздыхать!

– Недоверие – не всегда приятная вещь.

– Хорошо. Я ищу, – призналась Катя, присаживаясь рядом на корточки и наблюдая, как отходит деревянная крышка под ловкими движениями рук и ножа.

– Что? – улыбнулся Сергей.

– Что-нибудь. Что-нибудь от него. Мне. Ведь он был рядом с Соломоном? Вполне мог передать какой-нибудь знак для меня. Какую-нибудь записку или маленький предмет. Ведь, мог? – последний ее вопрос прозвучал шепотом и еще таил надежду.

Спустя час не осталось ни одного неоткрытого ящика. Катя погрузилась, присела на один из них, растерянно прокручивая кольцо на пальце.

– Спать хочется, не могу больше, – пробормотал Сергей.

– Что же ты не пошел, как все?

– Сейчас пойду. Не терпелось посмотреть, что здесь. Да и вообще, мне хочется поскорее приступить к делу. И покончить с ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.